

Дулатбек

Кидирбекұлы

доктор политических наук

АЛАШ-ОРДА В ЖЕТЫСУ

Историографический феномен Исы Тергеусизова

Политическое движение начала XX века Алаш-Орда действовала практически на всей территории Казахстана, которая в составе Российской империи была разделена между российскими губерниями и областями, но представители казахской интеллигенции находили силы объединиться и взаимодействовать друг с другом. Особая активность Алаш-Орды была проявлена в северной половине Казахстана, о чем свидетельствуют многочисленные документы тех времен и собственно сочинения деятелей Алаш-Орды. Некоторые историки склонны утверждать, что в южной половине страны деятельность Алаш-Орды была либо слабой, либо вовсе отсутствовала.

Однако монография казахстанского историка Виля Галиева «Книга, разбудившая народ (Разыскания о Миржакыпе Дулатове и его сборнике «Проснись, казах!»)», вышедшая в 2011 году, опровергает подобные доводы. Автор из архивных источников России и Узбекистана находит активизацию Алаш-Орды через распространение книги Миржакыпа Дулатова «Оян, казак!» в Сырдарьинской и Семиреченской областях Туркестанского генерал-губернаторства. В частности он отмечает: «К кавалькаде цензоров и переводчиков присоединился и туркестанский генерал-губернатор. 4 июля 1912 г. он обращался в Главное управление по делам печати: “Прошу не отказать в распоряжении об изъятии из обращения распространяющейся среди киргизского населения, в особенности Семиреченской об-

ласти, брошюры “Оян, казак!” соч. Дулатова и отпечатанной в 1911 г. в типографии газеты “Вакыт”...» [1]

На страницах 406–420 этой монографии подробно описана деятельность Алаш-Орды на территории Жетысу. Здесь упоминаются имена местных алашовцев, таких как Иса Тергеусизов, Ибрагим Джайнаков, Барлыбек Сыртанов, Манке Исмаилов и другие. В.З. Галиев большое внимание уделяет И. Тергеусизову: «Тем временем из других филерских донесений тоже стало известно, что книга М. Дулатова “Оян,

казак!» распространяется в Верном через книжную лавку Ахметкарима Зайнуллина. Выяснилось, что книга имела у переводчика Верненского уездного управления Исы Тергеусизова, впоследствии – одного из деятелей партии “Алаш”, работавшего в ту пору в Андижане». [2]

Благодаря активности И. Тергеусизова, работавшего письменным переводчиком с 1908 г. на службе в Верненском уездном управлении, брошюра М. Дулатова «Оян, казак!» имела успех и популярность среди грамотного казахского населения Верненского уезда Семиреченской области. Общение с Х.А.Куватовым, членом «Общества ревнителей просвещения», а также с поручиком П.Е.Редько – первым председателем совета этого Общества свидетельствует об отсутствии замкнутости в характере И. Тергеусизова. Его скромность, свидетельствующая из характеристики, данной в Верненской гимназии, несколько не ограничивала его общительность в процессе общественной деятельности.

Еще в гимназии он знакомится с Токашом Бокиным, также в будущем переводчиком и деятелем революционного движения. Пребывание Исы Тергеусизова в различных местах Верненского уезда свидетельствует об его связях с наиболее известными людьми, в частности с авторитетным общественным деятелем Жетысу Медеуом Пусырмановым (1850-1908) и его старшим сыном Джайшибеком Медеуовым (также учился в гимназии, но классом старше него)...

В августе 1898 года после гимназии И. Тергеусизов уходит в Мало-Алматинскую волость. [3] В это же время, в этой волости окончательно обосновывается Медеу Пусырманов, который до этого здесь был кандидатом в волостные управители в 1889-1892 гг. В январе 1898 года он подает прошение военному губернатору Семиреченской области на строительство дома для постоянного проживания. [4] До этого, в 1893 году он приобрел недвижимость в городе Верном на пересечении улиц Мещанской и Дунганской (ныне Кабанбай-батыра и Масанчи). [5] Однако Иса Тергеусизов в Мало-Алматинской волости долго не задерживается и уходит в Узун-Агачскую волость, где он начинает свою карьеру волостным писарем. [6] В то же время, в 1900-1907 гг. Медеу Пусырманов вел активную работу по религиозному просвещению среди народа, а в 1906 году совершает хадж в Мекку. В это же время, Иса Тергеусизов принимает участие в работе воскресных школ «Общества ревнителей просвещения» в г. Верном, где он делал переводы чтений для мусульманского населения.

В 1908 году Иса Тергеусизов приказом Военного Губернатора Семиреченской Области определяется на государственную службу канцелярским служителем с откомандированием в должности временного исполняющего обязанности письменного переводчика Верненского уездного управления. В г. Верном он не имел собственного жилья, постоянно снимая комнаты. [7] Именно с этого времени начинается его активная деятельность на государственной службе и в общественной жизни Жетысу. С получением этой высокой должности И. Тергеусизов участвовал на выборах волостных управителей Верненского уезда в качестве толмача, но при этом не выходил за рамки своих компетенций и полномочий. В 1907 году из Мало-Алматинской волости выделяется Чапраштинская волость, где волостным управителем избирается Джайшибек Медеуов, а кандидатом в волостные управители – его брат Омарбек Медеуов. [8]

Есть также свидетельства о связях Исы Тергеусизова с другими волостными управителями – Сатом Ниязбековым (Джайлымышевская волость), Малыбаем

Суюнбаевым (сын акына Суюнбая Аронова, Узун-Агачская волость), Джельдибаем Майликовым (Мало-Алматинской волость) и многими другими. [9] Все они свидетельствуют, что И. Тергеусизов работал честно и добросовестно, и не был замечен в каких-либо махинациях и коррупционных делах. Он посвящал свою деятельность просвещению, используя все свое свободное время.

В 1913 году повсеместно в Российской империи отмечалось 300-летие правления династии Романовых. В г. Верном проходил смотр акынов Жетысу и сопредельных областей. У порога холма Кок-Тобе за речкой Малой Алматинкой расположилось около трехсот юрт, где принимали гостей. На этот слет был приглашен и признан главным акыном Жетысу Жамбыл Жабаев. Иса Тергеусизов также принимал участие на айтысах в качестве зрителя и должностного переводчика. Здесь и произошла его встреча со знаменитым акыном.

Во время смотра произошел инцидент акына Жамбыла с ротмистром Ильей Лихановым, должностным лицом канцелярии Семиреченского генерал-губернатора (годом позже станет Верненским уездным начальником). И. Лиханов вошел в юрту, где отдыхал Жамбыл. Он спросил его о других акынах, и почему их нет в юрте, на что акын ответил: «А что им делать, сидя без движения? Вот и пошли трапезничать». И. Лиханова сопровождали генеральский толмач Бакия Сырттанов и переводчик уездного начальника Иса Тергеусизов. Ротмистр был нетрезв, и слова акына пришлись ему не по душе. Забыв об этикете, он стал распускать руки. Жамбыл быстро отошел в сторону. Б. Сырттанов и И. Тергеусизов тут же встали рядом с акыном, обняв его с двух сторон. Б. Сырттанов ему сказал при этом: «Что с этого пьяного ждать. Ведь когда-то Суйеке говорил: «русский тоже сосед». Акын Жамбыл настолько был рассержен, что жестко ответил Б. Сырттанову: «Что вы вообще можете сказать, прислуживая им? Отстранитесь!» [10] Эти слова в определенной степени также касались и И. Тергеусизова, хотя ему прямо в лицо акын ничего не высказал. Этот инцидент настолько задел Жамбыла, что впоследствии Исе Тергеусизову акын не посвятил ни одного стиха, хотя того к тому времени в Жетысу уже уважительно называли Иса-торе.

Иса Тергеусизов с момента распространения книги М. Дулатова «Оян, казак!» становится активным алашовцем в Жетысу. Ведущим лидером Алаш-Орды в Жетысу стал Ибрагим Джайнаков. Их судьбы настолько переплелись, что они были до конца неразлучны и едины в своих убеждениях и политических позициях.

Казахский писатель и журналист Балгабек Кыдырбекулы (1929-1995) в своем рассказе «Көтеріліс күні», написанном в 1966 году и посвященном государственному деятелю Оразу Джандосову, упоминает и Ису Тергеусизова. Автор показывает тот небольшой конфликт между толмачем уездного начальника И. Тергеусизовым и губернаторским переводчиком И. Джайнаковым, который имел место из-за возможного появления вакансии толмача в канцелярии губернатора. О. Джандосов, будучи гимназистом, нелегально участвовал в национально-освободительном восстании 1916 года. Царская власть подозревала его в этом. В то же время, О. Джандосов мог стать толмачем губернатора вместо И. Джайнакова. Царская власть преследовала далекую цель, планируя сделать его своим толмачем в деле эксплуатации казахского народа. И. Тергеусизов безоговорочно поддержал бы О. Джандосова на эту должность, какие бы цели при этом он не преследовал. [11] Но этот конфликт межличностного характера никак не повлиял на их дальнейшую совместную деятельность в партии «Алаш».

После Февральской революции 1917 года и с установлением власти Временного правительства, Мухамеджан Тынышпаев стал комиссаром Семиреченской области. И. Джайнаков не соглашался с сопартийцем М. Тынышпаевым по ряду вопросов, и был критически и оппозиционно к нему настроен. Об этом И. Джайнаков свидетельствует: «...и войдя с ними в блок, выставили свою кандидатуру в Учредительное собрание (все три комиссара Шкапский, Тынышпаев, Шебалин). Зная, что мусульманский съезд забаллотировал не зря и видя в моем лице сильного конкурента, благодаря большому расположению ко мне мусульманского народа, господа комиссары повели против меня недостойную борьбу: начали совершенно игнорировать наш комитет, ни в какие дела нас не посвящали, и очевидно шла травля против нас и крестьянского совета, до того времени работавшего с нами в полном контакте». [12]

Алматинский краевед А.Г. Воронов в своей работе «Миф в истории или история мифа (Т. Бокин – и не только – в документах)» дает сравнительный анализ произведения казахских советских писателей Д. Мергенчина и З. Шашкина «Токаш Бокин», изданной в Алма-Ате в 1958 году, и архивных данных: «Нигде, во всем протоколе допроса, Джайнаков ничего не говорит о том, что Т. Бокин клеймит его резкими словами: “Продажная душа! Ты предатель своего народа!” – Тут у Д. Мергенчина и З. Шашкина явный “перебор”. Такой же “перебор” у них и в следующей фразе: “Чигиров, Джакупбаев и переводчик Иса Тергеусызов поддержали Джайнакова, но народ оказался на стороне Т. Бокина. Да, присутствующие поддержали Джайнакова, но народа там никакого не было. Там были волостные управители, бии, муллы, “уважаемые”, то есть богатые, люди, или, как говорит Джайнаков, “главари Больше-Алматинской волости”. Правда, как отмечает допрашиваемый, и они “чутко прислушивались к протесту Бокина и налаженное нами дело стало расклеиваться”. Тогда Джайнаков потребовал, чтобы Т. Бокин ушел с его двора. Вместе с тем, Д. Мергенчин и З.Шашкин допускают и точные выписки из протокола допроса Джайнакова, придавая им (выпискам) необходимый им (авторам) смысл». В силу господствовавшей в советское время идеологии большевизма эти писатели склонны были показать деятелей жетысуйской Алаш-Орды в негативном свете, несмотря на то, что архивные документы опровергали подобное.

Также А. Воронов, рассматривая феномен Т. Бокина, дает неопровержимые доказательства того, что Алаш-Орда никак непричастна к антисоветской деятельности: «Я вынужден снова вернуться к цитируемым уже неоднократно творцам мифа о “пламенном большевике Токаше Бокине”: “...Организаторами, непосредственными участниками убийства революционера-большевика, комиссара Советского Правительства в Семиречье Токаша Бокина являются алаш-ордынцы, бывшие негласные агенты царской охраны Абдильда Какенов, Кайсерке Токсанбаев, эсеры. Непосредственными исполнителями такого гнусного преступления стали наемные бандиты богачей и купцов – группа Яшайло, Абдразакова и Кихтенко...» В сноске сообщается: «В тот период в Семиречье работали два брата Кихтенко. Старший из них активно и мужественно боролся с белоказаками, показал немало примеров героизма, погиб на фронте во время боев. Второй же, маскируясь под “партизана”, занимался бандитизмом. За совершенные им тяжкие преступления перед Советской властью он в 1920 г. был расстрелян». (Д. Мергенчин, З. Шашкин, «Комиссар Бокин», стр.26). – В этом отрывке, на мой взгляд, все смешано в общую кучу, но несколько моментов вызывают несогласие и возражения:

во-первых, Т. Бокин никогда не избирался комиссаром Советского правительства в Семиречье. Самая высокая его должность в Военно-Революционном Комитете – товарищ (помощник) комиссара по урегулированию русско-туземных отношений;

во-вторых, об «алаш-ордынцах» как врагах Советской власти в Семиречье в 1918 г. никто ничего не знал. Это «изобретение» более позднего периода истории;

в-третьих, ни А. Какенов, ни К. Токсанбаев никогда не являлись агентами царской охранки, хотя К. Токсанбаев служил официально в жандармском отделении в качестве переводчика.

Ну и, наконец, эсеры... С 3-го марта 1918 г., т.е. со дня переворота, а, если точнее, то гораздо раньше, они, эсеры, фактически возглавляли ВРК и лишь только с постепенной «большевизацией» советских органов управления в центре (Петрограде, а затем в Москве) большевики начинают выходить на авансцену политической жизни и в Семиречье». [13]

Идеологический заказ и давление советского руководства, особенно в период сталинских политических репрессий требовали от советских писателей повсеместно показывать тех, кто не поддерживал и не симпатизировал советской власти в качестве врагов. В частности, в романе З. Шашкина «Токаш Бокин» главным отрицательным героем стал Ибрагим Джайнаков. Как здесь не вспомнить роман А. Фадеева «Молодая гвардия», где молодогвардеец Виктор Третьякевич в образе Стаховича изображен предателем, каковым он на самом деле не являлся.

После установления советской власти в марте 1918 года в г. Верном начались репрессии против Алаш-Орды. Арест И. Джайнакова и некоторых других алашовцев вызвал протесты по всему Жетысу, после чего они были освобождены, а в апреле 1919 года амнистированы и стали сотрудничать с новой властью. Эти факты показывают, что влияние и позиции Алаш-Орды в Жетысу были значительными, ибо как у алашовцев, так и у большевиков-мусульман (т.н. национал-уклонистов) была одна цель – национальное освобождение казахского народа.

В бытность СССР сложился миф и стереотип о том, что О. Джандосов был непримиримым врагом всех алашовцев как буржуазных националистов. На самом деле источники и документы говорят об обратном. Так его запись от 1 июня 1920 года гласит: «По вопросу привлечения алашей в Красную Армию упомянутая конференция вынесла следующее постановление: Беспартийная конференция родоначальников киргизов (казахов – прим. Д.К.) садыр-каракерейских волостей 24 мая 1920 г. заслушала информационно-агитационное слово тт. Джандосова, Мухамедиева, Зелетдинова о необходимости добровольного привлечения в ряды создаваемой киргизской кавалерийской бригады кадров бывших в частях белой армии киргизов-алашей. Принимая во внимание ...2) способствующие тому же условия родоплеменного уклада жизни и соответственно коллективное мировоззрение, ...4) необходимость в интересах революции, советвласти и самой киргизской бригады обученным кадром и ...постановили: общественно-договорным способом привлечь в ряды красной киргизской бригады 300 алашей...». [14] Среди алашовцев встречались и такие, кто имел либо военное образование, либо военный опыт.

Он благосклонно относился к алашовцам, любым образованным кадрам и интеллигенции, которым были близки идеи Алаш-Орды, считая их весьма ценными и квалифицированными специалистами в строительстве социалистического строя. Среди них оказался М. Тынышпаев, которого он лично под свою ответственность

спас от расправы со стороны большевиков. Однако вскоре он обнаружил, что советская власть все же постепенно начинает репрессии против алашовцев. И он с сожалением об этом пишет в своей записи от 15 марта 1920 года:

«К сожалению, как горные потоки при дружном таянии снегов бурно несутся, сметая на своем пути селения, леса, людей и животных, так и большевистская революция бурно покатилась по всей России и в нашем Семиречье. Киргизская (т.е. казахская – прим. Д.К.) интеллигенция, взявшаяся за советскую работу, уже через месяц-два стала преследоваться, и некоторые были приговорены к смертной казни. Так принуждены были бежать из Лепсинского уезда Альджанов, Ниязов (ныне покойные); из Гавриловского – Толебаев, Сыртанов, Умбетпаев, Кадырбаев, Калимбеков; из Верного – Джайнаков, Тергеусизов, Дусебаев. И киргизы остались без работников». [15] Начало репрессии против Алаш-Орды в 1920-х годах стало предтечей массовых политических репрессии в последующие 1930-е годы, жертвой которых стал сам О. Джандосов.

Уйдя весной 1920 года в Китай, и поселяясь в г. Кульдже, И. Тергеусизов и И. Джайнаков продолжили свою политическую деятельность. Однако теперь их миссия была направлена на просвещение и освобождение казахского народа от гоминдановского порабощения. Их жизнь в Китае требует более глубокого изучения, но китайские архивы до сих пор закрыты для исследования.

С начала 1930-х годов, когда были репрессированы А. Байтурсынов, А. Бокейханов, М. Жумабаев, М. Дулатов и другие алаш-ординцы, все их произведения и любые упоминания о них самих были под строжайшим идеологическим запретом. Эмигрировавшие за границу М. Шокай, Р. Марсеков, И. Джайнаков, И. Тергеусизов и другие были приравнены к изменникам родины. А об И. Тергеусизове на родине его родственники говорили шепотом.

Б. Кыдырбекулы делал неоднократные попытки найти о нем какие-либо сведения. Со слов старцев он знал лишь о том, что он был переводчиком уездного начальника в дореволюционное время, и его уходе в Китай. За все свои творческие годы он искал его семью и всех, кто его знал или слышал о нем. Им были опрошены казахи и татары, вернувшиеся из Китая, однако и они боялись произнести имя И. Тергеусизова.

Многие рукописи И. Тергеусизова были утеряны, но при этом сохранились несколько его песен и стихов, дошедшие из уст тех, кто слышал их, еще находясь в Синьцзяне. Даже стихи М. Дулатова «Зар заман» в ряде волостей Верненского уезда народу преподносились как стихи И. Тергеусизова, и так думали и предполагали до тех пор, пока после реабилитации в конце 1980-х годов не были опубликованы все произведения М. Дулатов.

Лишь однажды в конце 1960-х годов Б. Кыдырбекулы встретился с Аминой Бафиной. До этого, во второй половине 1950-х годов они были соседями. А. Бафина репатриировавшись в СССР из Китая в 1955 году, работала преподавателем музыки в Казахском женском педагогическом институте. При встрече, в строго конспиративной обстановке она их спела. Его дочь Балнур Кыдырбек, ныне известный композитор Казахстана, воспроизвела песни И. Тергеусизова на ноты.

Смерть И. Тергеусизова также долгое время была загадочной, и ходили разные версии. Сара Тергеусизова, невестка Исы Тергеусизова, также до последнего была убеждена в том, что он подвергся именно сталинским репрессиям: «Прочитала я и об истории Алаш-Орды и хочу сообщить, что член Верненской уездной земской

управы и член уездного совета «Алаш-Орда» Иса Тергеусизов был отцом моего мужа, Арсланбека Исаевича Тергеусизова. Как алашординец, он был репрессирован и расстрелян в 1938 году. Пишут, что хотят поставить памятник алашординцам в Астане, мы это тоже поддерживаем. Лично я люблю читать исторические материалы, в частности о прошлом Алматы». [16] Она также говорила, что от мужа и свекрови слышала, что он якобы был уведен из Китая в СССР и умер в семипалатинской тюрьме. Но это было преднамеренной дезинформацией и мифом о репрессированном сталинщиной человеке. И ряд других фактов опровергает эту версию. Подобная опасность И. Тергеусизову действительно грозила, но он для подстраховки вовремя принял китайское гражданство.

Б. Кыдырбекулы как-то сказал, что при встрече с одним ветераном КГБ СССР (имя его неизвестно), в прошлом советским резидентом в Китае, он твердо слышал одну фразу: «Иса Тергеусизов был убит китайскими гоминьдановскими властями в начале 1940-х годов». Другое подтверждение Б. Кыдырбекулы получил в приватной встрече от государственного и партийного деятеля Казахстана Бектенбая Косунова (1911-1984). В частности, тот упоминал о приезде делегации гоминьдановского правительства в Москву на совещание по культурному сотрудничеству в 1939 году. При этом он хорошо помнит, что Иса Тергеусизов был в составе китайской делегации в качестве переводчика. Б. Косун, рассказывая об этом, едва сдерживал слезы на глазах. Он подчеркивал, что они оба чувствовали по отношению друг другу родственно-земляческую близость, но выразить это в обстановке того сурового и жестокого времени со строгим контролем и репрессиями как с советской, так и с китайской стороны, было совершенно невозможно. Слезы выступали не только от сожаления, что не смогли поговорить. Увидев И. Тергеусизова на официальных переговорах, Б. Косун сразу вспомнил о нем, каким тот был в 1918 году в г. Верном, куда он, будучи мальчишкой, ездил и видел его одетым во фрак и цилиндр с ярко выраженным аристократизмом, и разъезжавшим на фаэтоне.

И наконец, о том, что И. Тергеусизов попал под репрессивную машину Гоминьдана и был казнен в г. Урумчи в 1942 году, стало известно из стихов казахского поэта Синьцзяня Танжарыка Жолдыулы (1903-1947), который стал его идейным соратником в антигоминьдановской борьбе. Узнав о смерти И. Тергеусизова, И. Джайнакова и других товарищей, он посвятил им стихи и поэмы, где их оплакивал. При этом сам он находился в заключении в тюрьме г. Урумчи. Произведения Т. Жолдыулы были опубликованы в начале 1990-х годов.

После ухода И. Тергеусизова в Китай его семья гибнет при переходе границы. Оставшийся на родине его сын был репрессирован в 1937 году за то, что его отец был членом Алаш-Орды. В Китае он создает новую семью. Кроме того, у И. Тергеусизова были два брата – Исабай и Исалы. Про самого младшего Исалы было известно, по словам очевидцев тех времен, что его семья до революции пользовалась уважением среди тех, кто его знал. Также было известно, что он, первые годы после революции, сумел избежать большевистских репрессий. Лишь в 1931 году, когда начался голощекинский голодомор в Казахстане, он вместе с женой и сыном, а также со всем своим имуществом и скотом перекочевывает в Китай. Вслед за братом он обосновался в Илийском округе, занимаясь животноводством и торговлей. Исалы Тергеусизов умер в Китае. Его сын Абдимомын вслед за семьей И. Тергеусизова (супруга Махрой, сыновья Арсланбек и Батыр, дочь Толеу) репатриировался в Казахстан в конце 1950-х годов.

Иначе сложилась судьба Исабая Тергеусизова. Еще до революции, в июне 1906 года он был доверенным лицом от аула №2 на выборах народных судей и волостного управителя Куртинской волости Верненского уезда. Также он владел русской грамотой. [17] Исабай Тергеусизов рано обзавелся семьей, имел сына Несипбека, который в свою очередь по достижению совершеннолетия женится на Асем, дочери бая Токшабая из Узун-Агачской волости. Брак был зарегистрирован в 1921 году в селе Тастак (ныне один из районов Алматы). Время, место и обстоятельства смерти Исабая Тергеусизова до сих пор неизвестны. Однако и семейная жизнь Несипбека Тергеусизова также долго не длилась. В начале 1920-х годов его как бая раскулачили, и из местечка Шолак Каргалы близ Узун-Агача он уходит в Алма-Ату. После рождения сына Мухаммед-Карима вскоре Асем умирает. Опасаясь за дальнейшую судьбу, Несипбек изменяет свою фамилию на Исабаева. В 1933 году Несипбек Исабаев умирает, а сын его остается сиротой и определяется в детдом. В детдоме Мухаммед-Карим становится Мукатаем, а фамилию берет Несипбеков. После достижения совершеннолетия он начинает свою трудовую деятельность.

Таким образом, Мукатай Несипбеков (1922-2008), внучатый племянник Исы Тергеусизова, во время второй мировой войны работал на трудовом фронте, поскольку из-за травмы руки не попал на фронт. С 1942 по 1951 год работал на разных финансовых должностях в Киргизии. Имел высшее финансовое образование. В 1951 году возвращается в Казахстан, работает по специальности в Жамбылской и Алматинской областях. Между делом оканчивает сельскохозяйственные курсы, а после учится в Высшей партийной школе. В 1953 году вступает в брак с Ахат Оксукбаевой, рождаются сыновья Абиль, Мурат, Адиль и дочь Роза, от которых имел четырех внуков и шесть внучек. В 1955 году обосновывается в селе Чилик Алматинской области, где занимал разные руководящие должности в райисполкоме и райкоме, в т.ч. пост начальника финансового отдела. В Чилике судьба свела его с семьей рядового труженика села Бейсебая Егинбаева (1890-1952), двоюродного брата О. Джандосова, после расстрела которого, тот вынужден был не возвращаться в свой аул и район, покинутый им еще в начале 1920-х годов. Позднее, сын Бейсебая Егинбаева Мухамеджан поддерживал с ним близкие отношения. Но при этом, ни те, ни другие не говорили друг другу о своих знаменитых родственниках.

Иса Тергеусизов по мере своих возможностей поощрял деятельность образованных людей на местах, стараясь при этом не нарушать свои служебные обязанности. В царское время люди, владевшие русским языком и грамотой, считались грамотными. Но при этом, казахи, владевшие арабской грамотой, не считались таковыми. Тем не менее, он обращал внимание и на них. При распространении брошюры «Оян, казак!» он делал ставку на них, доверяя им, поскольку именно они были осознанно верны идеям национального освобождения. Его брат Исабай, будучи доверенным лицом, также продвигал авторитетных людей на избрание волостными управителями и народными судьями.

Одним из таких был Демеу Курткин, внук известного народного целителя Жетысу Куртка-таупа Султанкожаулы (1770-1906). В 1912 году он был избран народным судьей аула №2 Куртинской волости, а кандидатом к народному судье стал Байдаулет Тауасаров, являющийся правнуком Куртка-таупа. [18] Следует отметить, что Иса Тергеусизов был праправнуком Куртка-таупа. Народ избирал стойких, грамотных и энергичных людей в качестве предводителей, какими являлись старшины и бии.

Одновременно в этой же волости, в ауле №4 народным судьей был избран Доненбай Тугельбаев, а кандидатом к народному судье – его брат Тасыбай Тугельбаев. [19] Они являются прямыми потомками героя казахско-джунгарской войны 18 века Шапрашты Наурызбай-батыра (один из трех главных батыров наряду с Каракерей Кабанбай-батыром и Канжыгалы Богенбай-батыром). Д. Тугельбаев и до этого, в 1906 году избирался народным судьей, а в 1903 году он был кандидатом к народному судье (народным судьей был его отец Тугельбай Танкышев). [20] В 1906 году волостным управителем Куртинской волости был избран другой потомок Наурызбай-батыра – Аскар Ибраимов. [21]

В 1912 году в ауле №5 народным судьей был избран Отеп Сииршин, а кандидатом к народному судье – Нугман Джалбагаев. [22] До этого, неоднократно в 1903 и 1906 году в этом ауле на этих должностях соответственно были Кожбанбет Кийлыбаев и Джолсеит Тайбагаров. [23] Отец последнего Тайбагар-мурза Турпанов (1827-1881) был влиятельным бием в Жетысу. [24] Все они являются прямыми потомками историка и летописца казахско-джунгарской войны Казыбек бек Тауасарулы (1692-1776) и его отца Тауасар-би Матайулы. К. Кийлыбаев также был и волостным управителем Куртинской волости. Еще в 1885 году он получил от губернатора Семиреченской области генерал-майора А.Я. Фриде благодарность и награду за службу. [25] В 1912 году волостным управителем стал его сын Кыздарбек Кожбанбетов. [26]

Сталинские политические репрессии стали продолжением репрессивной политики большевистской революции по отношению к аристократии, купечеству и интеллигенции. Сын кандидата в народные судьи Байдаулета Тауасарова Абдуали (1917-1985), пережил немало страданий. В 1935-1937 гг. он учился в Казахском педагогическом институте, откуда он был исключен как сын бая и народного судьи царского режима, а также как самый близкий родственник алашординца и эмигранта Исы Тергеусизова, и земляк Ораза Джанжосова (праправнук Казыбек бека Тауасарулы). Лишь после долгих скитаний он вернулся в свой аул.

Но не только советская, но и прежняя царская власть была беспощадна к проявлению каких-либо противлений режиму. Есть также сведения, что в 1912 году народный судья О. Сииршин вскоре после избрания был арестован и привлечен к следствию по обвинению в «подлоге по ст.362 и 48 Улож. о Нак., совершенном в бытность его в должности аульного старшины №5 аула этой волости в минувшее трехлетие». [27] В августе 1916 года К. Кийлыбаев попал под следствие за отказ от призыва казахского населения Жетысу на военно-тыловые работы в прифронтовую зону первой мировой войны. [28] Вместе с Бекболатом Ашекеевым он также участвовал в формировании ополчения против царских войск. Осенью того же года К. Кийлыбаев умирает в верненской тюрьме в возрасте 63 лет.

Национально-освободительное восстание 1916 года едва не внесло раскол в движение «Алаш-Орды». Понимая, насколько это восстание стихийно, а народ не так вооружен как профессиональная царская армия, алашовцы опасались массового кровопролития. Иса Тергеусизов и Ибрагим Джайнаков пытались остановить восстание, считая, что борьба с колониализмом должна вестись путем просветительской работы среди населения, за которой последует организованная мирная борьба, а вооруженное выступление с минимальными человеческими потерями – только по необходимости и тщательной подготовленности. Но поскольку восстание пошло необратимо, то часть алашовцев Жетысу, а также радикальные

представители казахской интеллигенции, решительно призывали народ к вооруженному сопротивлению.

Вышеуказанные документы показывают, что Иса Тергеусизов родился в ауле №2 Куртинской волости Верненского уезда Семиреченской области Туркестанского генерал-губернаторства. Ущелье Аксай у подножья Заилийского Алатау было его излюбленным местом для отдыха во время его проживания в г. Верном. Его верненский дом располагался на углу улиц Офицерской и Илийской (ныне Нусупбекова и Маметовой). После возвращения в Казахстан семьи И. Тергеусизова его сын Арслан обратился с официальным письмом к главе советского государства Н. Хрущеву, в котором просил не только о реабилитации отца, но и о возвращении этого дома семье. Но обращение осталось без ответа, поскольку данный дом был в государственной собственности, и о приватизации в тот период и речи не могло быть.

Трагическая судьба не пощадила И. Тергеусизова. Он отдал свою жизнь во имя тех высоких идеалов, ради которых боролся.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галиев В.З. Книга, разбудившая народ. (Разыскания о Миржакыпе Дулатове и его сборнике «Прочтись, казах!»). Алматы: Мектеп, 2011, с.389.
2. Там же, с.407.
3. ЦГА РК. Ф.94, Оп.1, Д. 2740.
4. ЦГА РК. Ф.44, Оп.1, Д. 42611, Л.1-2.
5. ЦГА РК. Ф.78, Оп. 2, Д. 628, Л. 1.
6. ЦГА РК. Ф.44, Оп.1, Т.9, Д. 13618, Л.21.
7. ЦГА РК. Ф.78, Оп. 2, Д. 628, Л. 1.
8. ЦГА РК. Ф.44, Оп.1, Т.1, Д. 2886, Л.2-4.
9. ЦГА РК. Ф.44, Оп.1, Т.9, Д. 13618, Л.3-21.
10. Қалижанов У. Жамбыл. Алматы: Әдебиет әлемі, 2013, 94 б.
11. Қыдырбекұлы Б. Қым-қиғаш жылдар. Алматы: Санат, 1998, 71 б.
12. ГА Алматинской области. Ф.348. Оп.1. Л.37.
13. spgk.kz/component/option,com_phocadownload/.../view/category/
14. Ураз Джандосов. Документы и публицистика (1918-1937). Алматы: Қазақстан, 1999, т.1, с.62-63.
15. Там же, с.52-53.
16. Казахстанская правда, 22 декабря 2007 года.
17. ЦГА РК. Ф.44. Оп.1. Д. 2296. Л.6.
18. ЦГА РК. Ф.44. Оп.1. т.3. Д.3883. Л.2.
19. ЦГА РК. Ф.44. Оп.1. т.3. Д.3883. Л.2.
20. ЦГА РК. Ф.44. Оп.1. Д.1965. Л.3.
21. ЦГА РК. Ф.44. Оп.1. Д. 2296. Л.7.
22. ЦГА РК. Ф.44. Оп.1. т.3. Д.3883. Л.3.
23. ЦГА РК. Ф.44. Оп.1. Д.1965. Л.3.
24. Қазақ совет энциклопедиясы. Алматы, 1977, т.10, 521 б.
25. ЦГА РК. Ф.44. Оп.1. т.3. Д.31218. Л.56.
26. ЦГА РК. Ф.44. Оп.1. т.3. Д.3883. Л.2.
27. ЦГА РК. Ф.44. Оп.1. т.3. Д.3883. Л.7.
28. ЦГА РК. Ф.76. Оп.1. Д.522. Л.7.

